

ДИСКУСІЇ

Вадим Ставиский

Киевская летопись и Хронограф

Татьяна Вилкул опубликовала важное исследование¹, посвящённое сравнительному анализу ранних киевских летописей и древнерусских хронографических текстов, произведённому путём сопоставления цитат, определения общей лексики, сюжетных параллелей, манеры заимствования. Впервые автор монографии системно рассмотрела вопрос происхождения хронографических цитат в *Киевском летописном своде*. На этом важном вопросе мы хотели бы остановиться подробнее.

Киевское летописание XII в. известно нам в двух главных версиях. Одна представлена двумя основными практически идентичными списками XV и XVI вв.: *Ипатьевским* (далее — *Ипат.*) и *Хлебниковским* (далее — *Хлеб.*), в основе которых лежит общий архетип конца XIII в. Вторая версия представлена *Лаврентьевским списком* XIV в. (далее — *Лавр.*). Сопоставив тексты *Ипат.* и *Лавр.*, Т.Л. Вилкул пришла к выводу, что общие чтения *Лавр.* короче и ближе к «исходной версии», чем в *Ипат.*, так как *Ипат.* включает дополнительные «фрагменты, написані рукою редактора-укладача *Київського зводу*»². Анализируя дополнительный материал *Ипат.*, Т.Л. Вилкул предложила продемонстрировать зависимость языка представленного в нём изложения событий от лексики переводных хроник. Путём текстуальных сопоставлений материала *Ипат.*, отсутствующего в *Лавр.*, с хронографическими текстами Т.Л. Вилкул предполагала выделить из него «комплекс точных цитат, заимствованных у переказі, сюжетных параллелей» из древнерусских переводов хронографических текстов³. И нужно отметить, что в значительной степени автору монографии это удалось.

Итак, Т.Л. Вилкул в самом начале высказала тезис о том, что

формулюючи *Київський звід*, його укладач суттєво розширив текст записів своїх попередників. Матеріал він почерпав не лише з літописних, а й книжних пам'яток, втім числі, хронографічних. Додаткові блоки *Ипат.* вміщують більшість включень із хронік та історій.⁴

1 Вилкул Т.Л. *Літопис і хронограф. Студії з домонгольського київського літописання*. К., 2015.

2 Вилкул Т.Л. *Літопис і хронограф*, 273, 275.

3 Вилкул Т.Л. *Літопис і хронограф*, 276.

4 Вилкул Т.Л. *Літопис і хронограф*, 276.

Исследовательница резюмирует свои наблюдения выводом о том, что «комплекс джерел єдиний, що свідчить про обробку всього *Київського зводу* однією рукою й, окрім іншого, вказує на масштаб роботи його укладача»⁵.

Работа по определению влияния переводных текстов на летописание XII в. систематически до сих пор не проводилась, хотя идея системного сопоставления летописных и хронографических текстов не нова. На примере сквозного анализа текста конца XIII в., условно называемого *Галицко-Волынской летописью* (*ГВл*), также известного из *Ипат.—Хлеб.* и восходящего к вышеупомянутому их архетипу, её в небольшой статье блестяще осуществил А.С. Орлов⁶. Произведя поиск цитат и лексических оборотов, характерных для переводных текстов, учёный обнаружил, что сплошной цикл заимствований из них в *ГВл* локализован в части текста от его начала до 1265 г. А.С. Орлов связал эту особенность текста с созданием на Волыни в 1262 г. *Иудейского хронографа* и обозначил использование такого вида лексики и фразеологии в качестве стилиобразующей черты для этой части текста *ГВл*. В дальнейшем Д.С. Лихачёв назвал эту особенность текста *ГВл* «галицкой литературной традицией»⁷.

В результате исследования Т.Л. Вилкул оказалось, что, как и в случае с *ГВл*, заимствования из хронографических произведений отмечены на всём протяжении исследуемого текста, то есть *Киевской летописи* (*Кл*). В обоих же случаях использовался один и тот же комплекс переводных произведений, которые мы обнаруживаем в *Иудейском хронографе*. Но Т.Л. Вилкул не обнаружила влияние хронографических заимствований на стиль *Кл*. Установлено, что в части после 1265 г. текст *ГВл* лексически и синтаксически становится близок именно *Кл*, что исследователи связывают с её использованием при составлении этой части текста (А. Генсерский, Н. Щавелева, И. Юрьева). Однако за единственным исключением, эта часть текста *ГВл* обошлась без хронографических заимствований, обнаруженных Т.Л. Вилкул в *Кл*. Маловероятно, что волынский автор текста *ГВл* после 1265 г. узнавал хронографические заимствования и целенаправленно игнорировал их при достаточно плотном цитировании самой *Кл*. Поэтому мы с опасением отнеслись к выводу Т.Л. Вилкул о том, что именно «киевский сводчик», вносящий дополнительный материал, пользовался хронографическими текстами.

Хронографические вкрапления в тексте *Киевского свода* не ускользнули от внимания А.С. Орлова. Отметив несколько подобных случаев, исследователь проницательно заметил:

5 Вилкул Т.Л. *Літопис і хронограф*, 311.

6 Орлов А.С. К вопросу об Ипатьевской летописи. *ИОРЯС*. Л., 1926. Т. 31.

7 Лихачев Д.С. Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского. *ТОДРЛ*. Т. 5. М., Л., 1947, 36–56.

Кстати сказать, задачей будущего исследования является решение вопроса о воздействии и на вторую часть *Ипатьевской летописи* (т. е. на *Киевскую летопись* — В.С.) компилятивного хронографа, так как на событиях XII в. отразилась не только Александрия, но и Иосиф Флавий [...], да и Амартол.⁸

Под «компилятивным хронографом» А.С. Орлов понимал тот же набор текстов (*Александрия*, Малала, Амартол, Флавий), что содержит и *Иудейский хронограф 1262 г.*, а, может быть, и сам этот хронограф. Есть поэтому основание развить догадку учёного.

Александрия

Т.Л. Вилкул отметила, что заимствования из романа об Александре Македонском в *Кл* наиболее частотны и ими в наибольшей степени насыщены описания осады Вышгорода войсками князя Андрея Боголюбского и сопровождавших её переговоров между князьями⁹. Она выделила целую серию текстуальных параллелей. Рассмотрим их, начав с той, которая была давно отмечена А.С. Орловым:

абѣ Мьстиславъ . сшибеса с полкы ихъ и потопташа . середнии полкъ . и инии ратнии видѣвше убьаша ъ [Хлебн.: их] бѣ бо Мьстиславъ . в малѣ въѣхаль в нѣ и тако

смаотшаса . wobи и бы^с матежъ великъ и стонава . и кличь рамна . и гласѣ незнаемии . и ту бѣ видити ломъ . копиинии . и звукъ вружинии ѿ множества праха не знати ни кониика ни пѣшьць.

и тако бившеса крѣпко и разиидоша . много же бѣ ратныхъ . мртвы^с же бѣ не много и се бы^с вдинь бои первого дни (*ПСРЛ* 2: 576).¹⁰

Этот хронографический пассаж был охарактеризован А.С. Орловым как скомбинированный из фрагмента *Александрии* (*Ал.* 1.41: 4) «великоу кличу бывшую въ воих [...] не бѣяше же како познати [...] ни пѣша, ни конника, въ велицѣ прасѣ» и *Иудейской войны* Иосифа Флавия (кн. 3, гл. 7, ч. 4) — «и бысть видѣти ломъ копийный и скрежетанье мечное и щиты ископани»¹¹. Очевидно, что это расширительная интерполяция, границы которой обозначены повтором «и тако». Иными словами, это заимствование не могло быть сделано автором текста *Киевского свода*, но появилось на каком-то этапе его редактирования.

8 Орлов А.С. К вопросу об Ипатьевской летописи, 117.

9 Вилкул Т.Л. *Летопис і хронограф*, 277.

10 Здесь и далее выделено в цитатах автором.

11 *Древнерусский перевод «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия*. Т. I. Отв. ред. А.М. Молдован; изд. подгот. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева, Г.С. Баранкова, А.А. Уткин. М., 2004, 413в 36–38.

Считаем, что выделенные хронографические выражения являются редакторскими дополнениями. Ещё один пассаж, отмеченный Т.Л. Вилкул, выглядит следующим образом:

Андрѣи же примѣ свѣтъ ихъ . исполнивъса высокооумьа . разгордѣвъса велми . надѣаса плотной силѣ . и множествомъ вои шгородивса . ражѣгса гнѣвомъ . и посла Михна мѣчьника (ПСРЛ 2: 572).

Аналогичным образом в тексте *Александрии* сообщается о том, что, когда Александр решил поучаствовать в Олимпийских играх,

оусрѣте и никола снѣ ария церя . карканьскаго . багатьствомъ и чѣстью шатаюся . и плотнѣи силѣ надѣаяся . и пришедь целова александра глаголя [...] александръ же паки рече . на колесницахъ хошю . въсполѣвъ же ся гнѣвомъ николае обидя александра.

Но дальше по тексту *Кл* это место *Александрии* цитируется ещё раз:

и вѣлѣвъшю ему ити къ Стѣславу Всеволодичю како са башь с нимъ свѣщали . и со всею его братью

ѿ сѣти многолукаваго дѣвола . иже воюеть на крѣтъяны.

Андрѣи же князь толикъ оумникъ сы . во всичхъ дѣлѣхъ . добль сы и погуби смыслъ свои . и невоздержаниемъ . располѣвъса гнѣвомъ . такова оубо слова похвална испусти . яже Бѣи студна и мерьска .

хвала и гордость . си бо вса быша ѿ дѣвола на ны . иже въсѣваеть въ срѣце наше . хвалу и гордость . якоже Павелъ глѣть гордымъ Бѣ противитъса а смиренымъ даеть блгодать еже и збыѣстьса слово апѣла Павла главша еже и послѣди скажемъ . мы же на прежнее възвратимса .

идушимъ жи имъ мимо Смолнескъ (ПСРЛ 2: 574).

Без этой многоступенчатой вставки текст нормализуется:

и вѣлѣвъшю ему ити къ Стѣславу Всеволодичю како са башь с нимъ свѣщали . и со всею его братью [...] идушимъ жи имъ мимо Смолнескъ наказа^а бо баше и Романови пустити снѣ свои съ Смолнаны.

В этом случае совершенно очевидно, что пассаж о князе Андрее содержит те же фразеологизмы, что и предыдущий («располѣвъса гнѣвомъ») и дополнительный — «толикъ оумникъ сы». Он представляет собой интерполяцию, появившуюся в тексте, вероятно, при сносе приписки на полях рукописи в её текст. Об этом говорит то, что сделано было переписчиком весьма неудачно, так как при этом она разорвала рассуждение о «пагубной гордости», которое

в свою очередь само является интерполированным в рассказ о продвижении войска и его разрыв отмечен характерным уточнением: «мы же на прежнее възвратимса». Рассуждение о «пагубной гордости» находится в контексте предшествующего пассажа, содержащего указание на то, что князь Андрей начал военную кампанию, «разгордѣвьса велми», а значит хронографические заимствования одновременны в обоих случаях.

Аналогичным образом, как глоссу, снесённую в текст, мы поясняем и происхождение словосочетания «възостриса на рать» в фразе — «Аньдрѣи же то слышавъ ѿ Михна . и бы^съ вбразъ лица его попуснѣлъ . и възостриса на рать . и бы^съ готовъ . и пославъ собравъ воѣ своѣ» (*ПСРЛ* 2: 573). Она идентична словосочетанию ««възострилъ ны еси на рать» (*Ал.* 3.2: 81).

Характеристика Мстислава Храброго, в контексте описания конфликта с которым была применена хронографическая лексика, заслуживает отдельного рассмотрения, так как Т.Л. Вилкул определила, что «під 1178 р. простора нарація з останнього року життя одного зі смоленських Ростиславичів, Мстислава, також насичена цитатами з *Александрії*», которые не были замечены предшествующими исследователями¹². Очень показателен повтор фразы «добре же бы и намъ с тобою оумрети, створьшему макидонъ великую свободу» (*Ал.* 3.32: 103). Он включён в интерполяцию, в которой описывается «плач новгородцев» о князе:

наипаче же плакахоуса по немъ . лѣпшии моужи Новгородѣсти . и положожиша тѣло его в тои же гробници . идеже лежитъ Володимѣръ снѣ великаго княза Їрослава . Володимѣрича . и тако молвахоу . плачущеса . оуже не можемъ г^сне поѣхати с тобою на иноую землю поганы^с и поработити . во вбласть Новгородскоую . ты бо много молвашеть г^сне нашъ хотя на всѣ сторонѣ поганыа . добро бы ны г^сне с тобою оумрети . створьшему толикою свободоу Новгородьцемъ . ѿ поганыхъ . аоже и дѣдъ твои . Всеволодъ . свободил ны баше ѿ всѣхъ вбидѣ ты же баше г^сне мои семоу поревноваль . и наслѣдилъ поутѣ дѣда своего . нынѣ же г^сне оуже к томоу . не можемъ тебѣ оузрѣти . оуже бо слнѣце наше заиде . ны и во вбидѣ всимъ встахомъ . и тако плакавьшеса над нимъ . все множество Новгородское (*ПСРЛ* 2: 610).

Указанная интерполяция, включающая цитату из *Александрии*, как и весь пространный текст панегирика князю Мстиславу, в котором она читается, содержится только в группе списков *Ипат.—Хлебн.* В *Лавр.* известие о смерти очень лаконично и в нём содержится конкретно указание на то, что дедом князя был Мстислав Владимирович киевский — «Престависа князь Мьстиславъ . снѣ Ростиславль . внукъ Мстиславль . в су^бту . н̄ . ю»¹³. Но аналогичное известие содержится и в *Ипат.—Хлебн.*: «престави же са князь Мьстиславъ . снѣ Ростиславль . вноукъ . великаго кнѣза Мьстислава . м^сца .

12 Вилкул Т.Л. *Літопис і хронограф*, 280.

13 *ПСРЛ* 1: 387.

июна . въ . Гї день мѣнца Анкюлины . въ днь патничный». На этом основании А.С. Орлов сделал вывод о том, что указание на «деда» Всеволода в тексте статьи 1178 г. является следом «порчи»¹⁴. Собственно, это непроверенное утверждение являлось аргументом учёного в пользу того, что вероятность использования текста *Александрии* составителем данной статьи *Кл* является сомнительной.

Мы определили концептуальность утверждения, предложенного автором «плача», обнаружив его влияние и на панегирики князьям Рюрику Ростиславичу и Роману Мстиславичу¹⁵. А, значит, данный фрагмент является достаточно поздней интерполяцией, включённой редактором в дополнительную статью *Кл*, дублировавшую первоначальный текст.

В описании обстоятельств убийства князя Андрея Боголюбского Т.Л. Вилкул выделен целый комплекс лексических заимствований из *Александрии*. Исследовательницей отмечено дважды, что в ст. 1175 г.

київський літописець відштовхувався від сцени вбивства перського царя Дарія з *Александрії Хронографічної*. Так, за *Іпат.*, Андрій Боголюбський бореться з двома нападниками, тоді як в *Лавр.* убивць було двадцятєро. В *Іпат.* князь та вбивці «боряхуться», Андрію «даша» рани від списа («язвы копиныя»), хоча в *Лавр.* його «сѣкоша саблями и мечи». Саме в *Александрії* Дарія вбивають саме двоє його «боляр». Вони задумують убивство, «боряхуся» з царем, той отримує «язвы» від списа».¹⁶

Аналогичное утверждение находим и в другом месте:

Київський хроніст відштовхувався від сцени вбивства Дарія з *Александрії*, де перського царя вбивають саме двоє його «боляр», йдеться про «язвы» від списа, детально змальовано боротьбу та моління жертви.¹⁷

Можно предполагать, что в данном случае речь идёт о редакторских дополнениях, оставленных на полях рукописи и снесённых в текст переписчиком. Об этом говорят числовые рассогласования в тексте: «вскочиша два [...] и оуазвиша и свои другъ [...] и возьмьше друга своего и несоша (его) вонъ». Приписка возникла уже на основании пространного рассказа *Кл* и в совокупности своих частей представляла собой законченную по смыслу и грамматически конструкцию — «два гастасл с нимь. и боряху^с с нимь велми. башеть бо силенъ. копиныя газвы даша ему».

14 Орлов А.С. К вопросу об Ипатьевской летописи, 117.не

15 См. подробнее: Ставиский В.И. «Ревна же дѣдоу своему Мономахоу». *Slověne-Slovьne. International Journal of Slavic Studies*. 2017, vol. 6, № 2, 188-198.

16 Вилкул Т.Л. *Літопис і хронограф*, 268–269.

17 Вилкул Т.Л. *Літопис і хронограф*, 279.

<i>Лавр.</i>	<i>Ипат.</i>	<i>Александрія</i>
вканънии же всовашаса в ложницю вси . [и] сѣкше ѿго саблами и мечи . идоша прочь (<i>ПСРЛ</i> 1: 369)	и вскочиша два вканънаа и гастаса с нимъ . и князь повѣрже ѿдиного подь са и мнѣвше княза повѣржена . и оуазвиша и свои другъ . и по семь познавша . княза . и борахус с нимъ велми . башеть бо силенъ . и сѣкоша и мечи и саблами и копииннаа газвы даша ему [...] се же нечѣтивии мѣвѣвша его оубьена до конца . и въземьше друга своего и несоша [Хлебн.: приб. его] вонъ . трепещощи ѿидоша. (<i>ПСРЛ</i> 2: 587)	боляре Дарьевы... оумыслиста [два] погоубити Дарія съпроста боряхуса с нимъ, бѣ бо силенъ копиинии же бяху емоу язвы

Т.Л. Вилкул отмечает, что

сцена убийства Дарія надала київському літописцю літературний матеріал не лише для написання повісті 1175 р. про смерть Андрія Боголюбського. Книжник використав її і в попередніх статтях, зокрема, під 6655/1147 р. у повісті про вбивство князя Ігора Ольговича¹⁸.

Это особенно удивительно, учитывая тот факт, что в данном случае мы имеем дело с агиографическим текстом, что определило насыщенность его цитатами из *Книг Бытия* и *Иова*, *Евангелий*, *Апостола*, *Изборника 1073 г.* и борисо-глебского цикла, и что внимательно отмечено автором исследования. Остановимся на характерном фразеологизме из ст. 1147 г. «они же оустръмиша^с на нь . яко звѣрьє сверъпии», повторенном в описании убийства Андрея Боголюбского, о чём Т.Л. Вилкул почему-то умолчала. По её мнению, фразеологизм был включён в текст *Кл* из *Александрии*, в которой сказано «яко прииде на мя макидонъ, сверѣпа свѣри душу имѣя... якоже оувидѣ и^х Дарии оустрѣмившеся на нь съ оружиемъ» (*Ал.* 2.19–20: 68), и, видимо, под влиянием статьи 1015 г. *ПВЛ*, в которой упомянуты «звѣрие дивии». Мы полагаем, что фраза возникла на основании *Сказания о Борисе и Глебе*, в котором говорится, что «тогда оканънии Горясѣръ повелѣ зарѣзати и въбързѣ», «сверѣпа звѣри душу имѣюще». Причём в *Чудовской редакции* находим ещё ближе: «яко же свѣрепии звѣрьє, тако въсхътиша его»¹⁹. И не удивительно, что следов интерполяции в этом случае текст не содержит.

Особое внимание Т.Л. Вилкул привлекло «одне досить об'ємне буквальные запозичення з *Александрії* у передостанній статті *Київського зводу* 6705/1197 р. Точніше, йдеться про уривок зі слова Паладія «О рахманех», яке входить до

18 Вилкул Т.Л. *Літопис і хронограф*, 282.

19 Бугославський С. *Україно-руські пам'ятки XI–XVIII вв. про князів Бориса та Гліба (Розвідка й тексти)*. К., 1928, 106, 128.

складу *Александрії* у більшості редакцій»²⁰. И действительно — это самая большая цитата из хронографического текста в летописи. В том же объёме, что в *Кл*, она повторена в панегирике князю Владимиру Васильковичу в *ГВл* под 1288 г. Определено, что из ст. 1197 г. она была заимствована в *ГВл* в панегирик князю Владимиру Васильковичу в составе более обширного молитвенного комплекса²¹. То есть, автор панегирика князю Владимиру, не знавший, по общему мнению, текста *Александрии*, не смог точно идентифицировать «молитву рахмана».

Фрагмент, где звучит отрывок из *Александрии*, выглядит следующим образом:

и възрѣвъ на н̄бо . и воздав̄ хвалоу Б̄оу г̄ла . бесм̄ртн̄и Б̄же хвалю тебе ѡ всемь воздаю . ц̄рь бо еси ты всимь единь . во истину подаваа̄ своеи твари . все б̄аѣство имь в наслаждение . створивь бо ты мира сего . ты соблюдаеши ѡжидаа̄ д̄ша . ѡже посла . да доброу жизнь жившимь . почтеши ѡко Б̄ . а еже не покорившюса твоимь запов̄демь . предаси соуду . всь бо соудь праведень ѡ тебе . и безь конца жизнь ѡ тебе бл̄годатью своею . и вса милоуеши . притикающаа̄ к тебе . и кончав̄ млт̄воу возд̄въ роуц̄ь на н̄бо (*ПСРЛ* 2: 705–706).

Внимательно читая панегирик Давиду Ростиславичу, замечаем, что это вторая подряд и явно избыточная предсмертная молитва князя. Первую молитву князь произносит, когда только попадает в монастырь Бориса и Глеба. Приведем её полностью, чтобы ясно стало окружение хронографической цитаты:

и вшедь в манастырь возд̄въ роуц̄ь свои на н̄бо . молашеса . г̄ла вл̄ко Г̄и Б̄е мои . Г̄и призи на немощь мою. вижь смирение мое . шдержашаа̄ ма нынѣ да тобою оуповаа̄ терплю . и ѡ всихь сихь бл̄годарю та . Г̄и . ѡко смирилъ еси д̄шо мою . и во цр̄твии твоємь причастника ма створи . млт̄вами пр̄г̄ѣа̄ твоеа̄ м̄три . пр̄ркь и ап̄ль . и моучекъ . и всихь прп̄бныхь . ст̄хь ѡц̄ь . ѡкоже и т̄ь пострадаваше . и оугодивше тоб̄ь . искоушены б̄ыша ѡ дьавола . ѡко злато в горнилѣ ихже млт̄вами Г̄и . избраньны(х)^м стадомь [Хлебн.: избранному твоему ста^ну] с десными ма ѡвцами причти и бы живота его . до того же дни . и познавса хоудь изнемогаа̄ . ко исходуу д̄ши (*ПСРЛ* 2: 705).

То есть, после окончания молитвы Давид ощущает, что силы его оставляют («и познавса хоудь изнемогаа̄ . ко исходуу д̄ши») и он должен умереть. Вместо этого он повторно молится, уже не имея на то сил, и за пределами отведённого ему летописцем времени. Непосредственное продолжение фразы, действительно, находим ниже («предасть д̄шо свою в роуц̄ь Б̄жи . приложиса ко ѡц̄мь своимь»), но оно оказалось отделено пространной молитвой.

20 Вілкул Т.Л. *Літопис і хронограф*, 286–287.

21 См.: Толочко А.П. Похвала или житие? (Между текстологией и идеологией княжеских панегириков в древнерусском летописании). *Palaeoslavica*, VII (Cambridge, Mass., 1999), 26–38.

Замечаем, далее, что вторая молитва (состоящая из хронографической цитаты) вводится парафразом, а завершается — точным повторением фразы, которой вводилась первая молитва:

воздѣвъ роуцѣ свои на нбо . молашеса («первая молитва», начало);

и возрѣвъ на нбо . и воздавъ хвалоу Бѹ гла («вторая молитва», начало);

и кончавъ млтѹоу воздѣвъ роуцѣ на нбо («вторая молитва», завершение).

Парафраз фрагмента или фразы основного текста как средство интеграции вставки — характерный приём в *Ипат.*, и мы с ним уже встречались в предыдущих примерах. Здесь же отметим ещё и не вполне удачное его применение: князь поднимает руки к небу не в молитвенном обращении, но завершив молитву, что делает этот жест бессмысленным. Но так диктовал приём интерполирования. Полагаем поэтому всю «вторую молитву» с хронографической цитатой вставкой в изначальный текст летописи и реконструируем его следующим образом:

и бы живота его . до того же дни . и познавса хоудь изнемогаа . ко исходу дши
[...] предасть дшоу свою в роуцѣ Бжи . приложиса ко шцмъ своимъ . и дѣдомъ
своимъ егоже нѣ^с оубѣжати всакомоу роженомоу.

Как видим, текст приобретает бóльшую осмысленность: князь почувствовал, что умирает и затем предаёт душу Богу, что представляется вполне удачной финальной фразой похвалы (после которой осталось лишь указать на число лет княжения и жизни: «и бы^с княжения его во Смоленскоу . ии . лѣ^т . а всихъ лѣтъ ѿ рж^ства . ѧ . бес трехъ»).

История Иудейской войны

На примере глоссы, включенной в описание битвы под Вышгородом, мы увидели, что при формировании интерполяций в *Кл* наряду с текстом Александрии использовался текст славянского перевода *Истории Иудейской войны* Иосифа Флавия. По этому поводу Т.Л. Вилкул отметила: «щодо *Історії Іудейської війни* Йосифа Флавія, загальна картина запозичень у *Київському зводі* наближується до ситуації з *Александрією*»²². Объём заимствования из Флавия, однако, гораздо более скромный: «Список паралелей до твору Йосифа Флавія не надто розлогий, однак включає рідкісні та просто унікальні»²³. В особенности автор исследования настаивает на заимствовании выражения «обломити силоу» из речи князя Игоря Святославича, оказавшегося в плену у половцев. Указанное вы-

22 Вилкул Т.Л. *Літопис і хронограф*, 289.

23 Вилкул Т.Л. *Літопис і хронограф*, 292.

ражение входит в состав прямой речи, приписанной князю Игорю, содержательно очень плохо соотносящейся с окружающим текстом:

Игорь же Стославличъ . тотъ годъ башеть в Половцехъ .

и глше . азъ по достоанью моему восприахъ . побѣдоу ѿ повеления твоего влѣко Гѣи . а не поганьская дерзость . шблони силоу рабъ твоихъ . не жаль ми есть за свою злобу прияти ноужьная вса . ихже есмь приаль азъ .

Половци же . аки стыдащеса воевьдства его . и не творахоуть емоу» (*Inam.*, *ПСРЛ* 2: 649).

Без этой декларации (или внутреннего монолога?) князя текст выглядит правильнее, частица «же» становится оправданной:

Игорь же Стославличъ . тотъ годъ башеть в Половцехъ . Половци же . аки стыдащеса воевьдства его .

То есть, речь князя Игоря, содержащая характерное словосочетание, восходящее к тексту Флавия, также представляла собой запись на полях рукописи, неудачно вставленную переписчиком при снесении в текст.

Хроника Георгия Амартола

Согласно Т.Л. Вилкул,

Хроніка Амартола є ніби пробним каменем у спробах визначити природу джерел, якими користувались давньоруські літописці, тому їй варто приділити особливу увагу.²⁴

По мнению автора, «текст Амартола у *Київському зводі* також представлений мікроцитатами», под которыми Т.Л. Вилкул понимает отдельные лексические и фразеологические заимствования и влияния, в отличие от более распространенных, представляющих собой целостную синтагму цитат и парафраз.

Так, в статье 1146 г. таковой «микроцитатой» сочтена «тысяча бернистець», то есть «1000 моужь бронистець», приставленных Антиохом к каждому слону (*Ам.* 203.18–19):

Пришедшо же Стославоу в Колтескъ . городокъ . и тоу присла емоу Гюргии . в помочъ тысачю Бренидьецъ . [Хлебн.: бернистець] дружины Бѣлозѣрьскоє . Стославъ же перебравъ дружиноу . и хотѣ ѣхати съ Бѣлозерьци на Двѣдвичю къ Дѣдославлю (*ПСРЛ* 2: 338).

24 Вилкул Т.Л. *Літопис і хронограф*, 292.

Т.Л. Вилкул справедливо отметила: «Треба зауважити, тисяча бронників — це дуже багато, тому вираз належить радше до розряду легендарних перебільшень»²⁵. Полагаем, что упомянутая «тысяча» — это единица измерения белозерской дружины и «бронники» здесь совсем ни при чём, а упомянуты они были редактором, вспомнившим красивый термин по аналогии с «тысячей» войска Антиоха и вписавшим его в виде глоссы.

Под 1149 г. находим немотивированную и состоящую в явном противоречии с идеологией иных эпизодов *Кл* похвалу галицкому князю Владимиру Володаревичу. Такой эффект возник, по мнению Т.Л. Вилкул, благодаря заимствованию для его характеристики двух причастий из Амартола — «свѣтаса» и «величаса»:

Здається, цьому ситуативному енкомію сприяв вислів із *Ам.* 73.24–26, про чисте стримане життя есеєвлян: «и оуча . не растити гзыка истиною свѣтитиса . и не величати^с словесы различными дерзоу хытростію»²⁶.

Исследовательницу, как кажется, можно понять в том смысле, что она ощущает неполную органичность похвалы Владимиру. И действительно, похвальная фраза явно разрывает предложение о перемещении войск:

и в то верема. поиде Володимеръ из Галича полкы своими . и пришедь ста . на Полонои . межи Володимеро^м и Луческомъ . и тако розьѣха ѣ.

добрыи бо кнѣзь Володимеръ . братолюбиемъ свѣтаса . миролюбиемъ величаса . не хотя никому зла того дѣла

межи ими ста хотя ѣ оуладити . тѣмъ не лзѣ бы Изаславу поити на Вачеслава . и на Дюрга . полку имъ дати (*ПСРЛ* 2: 391).

В статье *Кл* того же 1149 г. Т.Л. Вилкул выделяет фразеологизм «играти душею», о котором сообщает, что

слова «игра» та «играти» в літописах рідкісні, а «играти душею» — унікальний вислів. Він виник внаслідок певного непорозуміння або зміни значення при запозиченні. У грецькому оригіналі Амартола йдеться про «угожение» Господу, в сучасному перекладі: «адже не лише таку Йому належить приносити службу (=«угожение»), як радіти / грати душею»²⁷.

Т.Л. Вилкул підкріплює, що аналогів фразеологізму нет в біблійських книгах, *Апостоле*, інших хронографічних текстах. В контексті Амартола

25 Вилкул Т.Л. *Літопис і хронограф*, 293.

26 Вилкул Т.Л. *Літопис і хронограф*, 296.

27 Вилкул Т.Л. *Літопис і хронограф*, 295.

словами «душею играти» обозначена радость (игра) души при виде Бога в смысле отречения от всего суетного.

Фразеологизм входит в состав предложения, понимание которого возможно исключительно с помощью купюры, что демонстрируют, в частности, переводы: «с тѣми же хочевѣ быти а дшею не можевѣ играти . // З тими ж [клятвами] ми воліємо обоє бути, а душею не можемо грати»²⁸. Выражение «хотим быть с клятвами» представляется нам достаточно неожиданным, учитывая, что описание событий 1149–1151 гг. связано с постоянным переформатированием двух враждебных коалиций, состав которых меняется именно за счёт перемещения двух братьев Давыдовичей. Поэтому выражение «с тѣми же хочевѣ быти» следует рассматривать в прямом смысле — как желание быть в коалиции со смоленскими князьями. Но в самом тексте назван только один Изяслав Мстиславич (следовательно, «с тѣми же» немотивированно), а то, что он был в союзе со своими родственниками, знает (из других мест летописи) внимательный читатель. Замечаем, что фраза с хронографическим заимствованием завершается «и ѡрѣкостася», повтор которого находим ниже: «Гюрги же то слышавъ вже ѡреклася». Кроме того, в предполагаемой интерполяции, как можно судить по *Хлебн.*, точнее отражающем архетип, употреблены формы множественного числа, тогда как в окружающем тексте — двойственного (двойств. *Ипат.* полагаем коррекцией писца):

а ны^ѣ цѣловала есѣ^ѣ крѣть къ Изаславу Мьстислаличю .

с тѣми же хочевѣ [*Хлебн.*: хоче^ѣ] быти а дшею не можевѣ [*Хлебн.*: може^ѣ] играти . и ѡрѣкостася .

и посластася къ Изаславу и повѣдаста ему вже Гюрги и деть на нь . и Стѡславъ Ѡлговичъ приде с ни^ѣ Гюрги же то слышавъ вже ѡреклася ему . Володимиръ Изаславъ.

Т.Л. Вилкул пишет, что

на завершени повісті про вбивство Ігоря прочитуємо про киян, які прийшли споглядати вбитого князя: «и покрывахоуть . наготову телесе его своими одежами... види повержена Ігоря мртвого». А у Амартола (*Ам.* 330.15–17) «згадано усіляки нещастя, голод і смерті за часів Максиміана: «тѣмь мртва . и нага . тѣла за дни многы непогребена пометана. видѣние мало. и оканьно подаваше видящимъ»²⁹.

Если мы проанализируем текст рассказа о страданиях князя Игоря Ольговича от слов «и тако наро^ѣ двигноушася» до слов «ать похорони^ѣ тѣло его»

28 *Літопис Руський*. Пер. з давньорус. Л.С. Махновця. К., 1989, 224.

29 Вилкул Т.Л. *Літопис і хронограф*, 294–295.

(ПСРЛ 2: 352–354), то увидим чётко вырисовывающуюся интерполяцию, разбитую на две части в процессе включения в основной текст:

I. и тако наро^а двигнушася. и выломиша ворота и тако побиха

1. Игорь же побиваемъ ре^а вл^ако в роуцѣ твои прѣдаю тебе дх̄ мои . прими в миръ твои дшю мою . *безаконнии же* [Хлебн.: и] . *немлѣтвиши* побивше . и ѿиноудь тѣло его . наго оставиша

II. и поверзъше оужемъ за ноги . оуворозиша . и ѣще живоу соуцоу емоу ругающеса цр̄ьскомо и с^иенома тѣлоу . и волокоша и съ Мьстиславла двора чересь Бабинъ торжекъ на кн̄жъ дворь и тоу прикончаша и . и тако скончаша и Игора кн̄за с̄на Шлгова [1] мѣца семтабра въ ѿ1 . въ днь плато^е . и ѿтоуда възложиша и на кола и везоша и на Подолье на торговище и повергоша пороуганью . [2]

2. *безаконнии* [Хлебн.: и] *несмыслении* . вслѣплении шцима . своима . чл̄вци же бл̄говѣрнии . Приходаше взимахоу ѿ крове его и ѿ прикрова соущаго . на тѣлѣ его . на сп̄нии себе . и на исцѣление . и покрывахоуть . *наготоу телесе* его своими шдежами .

III. и повѣдаша Володимироу яко повержень есть на торговищи . и посла ть^ацьского . и приѣха види повержена Игора мрт̄вого и ре^а се оуже Игора есте убиили . ать похорони^а тѣло его³⁰.

Вставочный характер фрагмента 1 выдаётся, кроме хронографического заимствования, смысловым противоречием: тело Игоря (предположительно, мёртвого) выбрасывают («ѿиноудь тѣло его . наго оставиша»), а между тем, в следующем фрагменте II оказывается, что его, ещё живого, волокут на площадь. Вставочная природа фрагмента 2 выдаётся повтором уже употреблённой фразы, которой эта интерполяция вводится. Обе интерполяции «тормозят» движение рассказа, внося в него агиографические ноты. Во фрагменте III сравнением с параллельным текстом *Лавр.* выявляется лишнее определение Игоря — «мрт̄вого» (ср.: *Лавр.*: «и приѣхавъше видѣша Игора лежаща»; *Inam.*: «и приѣха види повержена Игора мрт̄вого»), следовательно, отсутствовавшее в архетипе. Следует думать, что оно принадлежало редакторскому тексту, будучи соответствием хронографического «мртва . и нага . тѣла» («наготоу телесе его мрт̄вого»). При таком взгляде связь с текстом Амартола становится ещё более очевидной.

Т.Л. Вилкул среди всех прочих обстоятельств убийства князя Андрея Боголюбского выделяет фразу «Петръ же ѿта ему руку десную» (ПСРЛ 2: 589), которую небезосновательно связывает с указанием, содержащимся в тексте

30 Порядок следования “основного” текста обозначаем римскими цифрами, интерполированного — арабскими. Обозначенные в цитате фрагменты [1] и [2] составляют отдельную интерполяцию — «башеть бо добрии и поборникъ вчѣства своего . в рацѣ Бий преда дх̄ свои . и съвлѣкъся ризы тл̄ньнаго чл̄вка . и в нетл̄ьноую . и многостр̄тьноую ризоу wobлкъся Х̄а ѿ негоже и вѣнцаса въсприемъ мч̄нииа нетл̄ьннии вѣнечъ . и тако к Бѡу ѿиде» + «въдоуше яко мьститель есть Бѡ и взищеть крови неповиннаго».

Амартола: «Халдѣанин же Іоаннь, вборзѣ мечемь оударивъ прѣя обѣ роуцѣ оття» (Ам. 517. 22–23). Замечание это никак не обусловлено целесообразностью, не связано с окружающим текстом и является расширительной интерполяцией:

и моливъшюса ѡ грѣсѣхъ своихъ . к Бѹ и сѣдашю ему за столпомъ . всходнымъ . и на долзѣ ищюшимъ его . и оузрѣша и сѣдаша . тако агна . непорочно . и ту шканьни прискочиша и .

Петръ же ѿта ему руку десную

кназь же възрѣвъ . на нѣбо . и ре^а Г^си в руцѣ твои предаю тобѣ дѣхъ мои . и тако оуспе . оубьень же бы^с в субботу на ночь.

Эта интерполяция входит в комплекс замечаний, оставленных на полях рукописи: о Прокопии — «шканьнии же ѿтуда шедше // оубиша Прокопѣя млѣтѣника его . // и ѿтуда идоша на сѣни и выимаша золото и камень» восходящее к «повѣдавъ Прокопиеви, слоузѣ кесаревѣ» (Ам. 513.23–24); упомянутая «ложница» — «пришедшимъ имъ // к ложници . // идеже блѣжнѣи князь Андрѣи лежить».

К сожалению, заимствования из *Хроники* Малалы, по признанию Т.Л. Вилкул, не являются выразительными. Но будучи включенными в состав интерполяций они уже по этому признаку могут считаться хронографическими заимствованиями. Например, в *Кл* в описании нескольких битв помещено одинаковое словосочетание, восходящее к словам из Малалы, «падоша мнози от обоих»: «и бы^с брань люта . и мнози ѿ обоихъ падаху», «бѣахоуса крѣпко . и мнози падаху ѿ обоихъ», «и бѣахутса крѣпко . и много ѿ обоихъ падаху» (*ПСРЛ* 2: 298, 317, 494). Во всех указанных случаях очевиден вставной характер словосочетаний и вряд ли это связано с обращением к *ПВЛ* в версии *Лавр.*, в которой говорится — «брани же велицѣ бывши . и мнозѣмъ падающим от обою полку» (*ПСРЛ* 1: 270).

Выводы

Итак, мы рассмотрели наиболее яркие и достоверные из определённых Т.Л. Вилкул хронографических цитат, фразеологизмов и лексик, находящихся в тексте *Киевского свода*. Действительно, все они включены в состав дополнительного летописного материала, отличающего текст *Инат.* от текста близкого *Лавр.*

Наши собственные выводы³¹ сформулируем в порядке их нарастающей гипотетичности.

31 При этом мы опирались на методологические принципы киевской школы текстологии, сформулированные акад. В.Н. Перетцем (Перетц В.Н. *Краткий очерк методологии истории русской литературы*. Пг., 1922).

С высокой долей вероятности можно утверждать, что хронографические заимствования находятся в интерполированных фрагментах текста.

В таком случае, знакомство с хронографической литературой отличает не автора *Кл*, а того редактора, который на следующем этапе работы с текстом «улучшил» своего предшественника.

Все признаки использования хронографических текстов носят вторичный характер — это были замечания или выписки, оставленные редактором текста, читавшим уже готовый *Киевский свод*. В основном, они представляли собой пояснительные или расширительные приписки к отдельным фрагментам текста, вызвавшим интерес у редактора, и не были связаны с деятельностью киевского сводчика начала XIII в.

Об «археографическом образе» этих дополнений остаётся лишь гадать. Но можно полагать вероятным, что они представляли собой глоссы или приписки на полях рукописи, затем внесённые в текст при её переписывании после того, как было завершено формирование *Киевского свода*.

Состав хронографических произведений, использованных на этом этапе (*Александрия*, *Хроники* Амартола и Малалы, *История Иудейской войны* Иосифа Флавия) соответствуют тому набору, что вошёл в *Иудейский хронограф 1262 г.* и был в том же составе использован при составлении на Волыни *Галицкой летописи*, находящейся в одном кодексе с *Киевской летописью*. Выскажем предположение, что именно здесь, на полях рукописи *Киевского свода*, были оставлены пометки, содержащие хронографические заимствования, а при переписывании и кодификации рукописи они были снесены в текст переписчиком.

Независимый исследователь